

12.2.99.

Фокин Валерий

«Ревизор» всегда приходит внезапно

Известия. — 1999 —
12 февр. — с. 7

Опыт телереконструкции знаменитого спектакля

Алексей ФИЛИПОВ

Жизнь театрального спектакля так же мимолетна, как и человеческая жизнь. Он рождается, растет, стареет, умирает, а потом (если он того достоин) историки начинают его реконструировать. Потом его вписывают в политический, общественный, культурный контексты, потом его нагружают порожденными последующими десятилетиями смыслами... Талантливая театральная реконструкция предполагает переосмысление, а передача, по-

священная мейерхольдовскому «Ревизору» (в начале недели ее показал канал «Культура»), бесспорно талантлива.

Каждый берет из прошлого то, что ему близко: режиссеру-постановщику Валерию Фокину сродни Мейерхольд-мистик, изощренный театральный виртуоз и предчувствующий будущее маг, Пьеро и пророк одновременно. Образный ряд передачи строится на сочетании старой хроники — «Ревизора» играют в Театре имени Мейерхольда в ролях Зинаида Райх и Эраст Гарин — и сцен, в которых заняты актеры Театра-сту-

дии Табакова. Старые кадры перекают в то, что было снято нашим современником, лицо Гарина превращается в лицо молодого актера. В лад рассказу о том, как Гарин кружил в танце одновременно Анну Андреевну и Марью Антоновну, танцуют актеры «Табакерки» — свойственная мейерхольдовскому спектаклю зыбкость, непредсказуемость, загадочная жуть живут и в телефостановке. Фокин и сам страшноватый, мистический режиссер, ему свойственен острый интерес к тайнам человеческого подсознания и загадочным движениям судьбы: здесь он попы-

тался выразить свое ощущение Мейерхольда. Точный, академически бесстрастный комментарий доктора искусствоведения Видаса Силюнаса прекрасно гармонирует с визуальными фантазиями Фокина: рассказ о вышедшем в 1926 году спектакле слушается как детектив.

Сначала в уездном городе появлялся черт — Хлестаков Гарина, а вслед за ним, в лице подлинного ревизора, к чиновникам приходила Смерть. Таков был смысл мейерхольдовского спектакля, спектакля странного, веселого, страшного, отчасти, наверное, немного безумно-

го, далеко опередившего свой год и свое десятилетие. Не случайно по отношению к нему применимо не существовавшее в 1926 году слово «сюрреализм», не случайно он так точно предвосхитил большой визит смерти в нашу страну: мученическую гибель первой актрисы, расстрел постановщика и всю кровавую метель, последовавшую через десятилетие с небольшим.

Театральный спектакль эфемерен — старая кинолента и на сотую долю не передает очарование и масштаб мейерхольдовской постановки. Но после него остается ле-

генда, которая живет своей жизнью и накладывает собственный отпечаток и на театральную традицию, и на общественное сознание. Любой «Ревизор», поставленный после Мейерхольда, так или иначе соотносится с его знаменитым спектаклем, и ощущение того, что их работа недотягивает до какой-то невидимой планки, стало бедой многих режиссеров. А мелкий бес, в предвестии большой беды морочащий людям головы, стал нашим постоянным спутником... И это уже сегодняшняя история, которую тоже предсказал Мейерхольд.

62